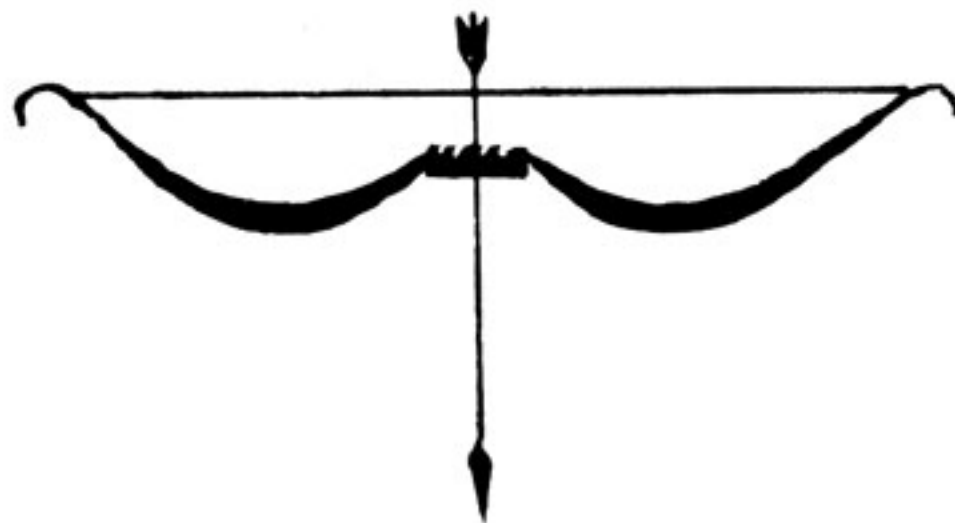

ЗА ЗЕМЛЮ РУССКУЮ!

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ
XI—XV ВЕКОВ

Художник
Владимир НОСКОВ

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

1981

ПОУЧЕНИЕ КНЯЗЯ
ВЛАДИМИРА МОНОМАХА
ЛАВРЕНТЬЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Изь худый, дедомъ
своимъ Ярославомъ,
благословленнымъ,
славнымъ, нареченый
въ крещении Василий,
русьскимъ именемъ

Володимиръ, отцемъ възлюбленнымъ и матерью своею
Мьномахы. <...> и хрестьяныхъ людей деля, колико
бо сблюдъ по милости своей и по отни молитве от
всехъ бeдъ! Сeдѣя на санехъ, помыслихъ в души своей
и похвалихъ бога, иже мя сихъ днeвъ грешнаго
допровaди. Да дeти мои или инъ кто, слышавъ сю
грамотицю, не посмейтeся, но овому же любо дeтий моихъ,
а примeтъ ё в сердце свое, и не лeнитeся начнeтъ такоже
и тpужатeся. <...>

А се вы поведаю, дeти моя, трудъ свой, оже ся есмь
тpужаль, пути дeя и ловы с 13 лeт. Первое к
Ростову идохъ, сквозе вятичe послa мя отецъ, а самъ
иде Курьску; и пакы 2-е, к Смолиньску со Ставкомъ
с Гордятичeмъ, той пакы и отъиде к Берестию со
Изяславомъ, а мене послa Смолиньску, то и —
Смолиньска идохъ Володимерю. Тое же зимы то и
посласта Берестию брата на головне, иде бяху ляхове

ПОУЧЕНИЕ КНЯЗЯ
ВЛАДИМИРА МОНОМАХА
ЛАВРЕНТЬЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Я смиренный, дедом своим
Ярославом,
благословенным,
славным, нареченный
в крещении Василием,
русским именем

Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов. <...> и христианских ради людей, ибо сколько их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всех бед! Сидя на санях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет любя, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться. <...>

А теперь поведаю вам, дети мои, о труде своем, как трудился я в разъездах и на охотах с тринадцати лет. Сначала я к Ростову пошел сквозь землю вятичей; послал меня отец, а сам он пошел к Курску. И затем снова ходил я к Смоленску со Ставком Гордятичем, который затем пошел к Берестью с Изяславом, а меня послал к Смоленску, а из Смоленска пошел во Владимир. Той же зимой послали меня в Берестье двое братьев на пожарище, что

пожгли, то и ту блюдь городъ тихъ. Та идохъ Переяславлю отцю, а по Велице дни ис Переяславля та Володимерю — на Сутейску мира творить с ляхы. Оттуда паки на лето Володимерю опять.

Та посла мя Святославъ в Ляхы: ходивъ за Глоговы до Чешьскаго леса, ходивъ в земли ихъ 4 месеци.

И в то же лето и детя ся роди старейшее новгородское. Та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову.

И Святославъ умре, и язъ паки Смолиньску, а и — Смолиньска той же зиме та к Новугороду; на весну — Глебови в помочь. А на лето со отцемъ подъ Полтескъ, а на другую зиму с Святополкомъ подъ Полтескъ, — ожгоша Полтескъ; онъ иде

Новугороду, а я с половци на Одрьскъ, воюя, та Чернигову. И паки, и — Смолиньска къ отцю приходх Чернигову. И Олегъ приде, из Володимеря выведенъ, и возвах ѝ к себе на обедъ со отцемъ в Чернигове, на Краснемъ дворе, и вдахъ отцю 300 гривен золота.

И паки, и — Смолиньска же пришедъ и проидох сквозе половечьскыи вои, бьяся, до Переяславля, и отца налезохъ с полку пришедше. То и паки ходихомъ, том же лете, со отцемъ и со Изяславомъ битъся Чернигову с Борисомъ, и победихомъ Бориса и Олга. И паки, идохом Переяславлю и стахом во Оброве.

И Всеславъ Смолнескъ ожъже, и азъ вседь с черниговци о двою коню, и не застахом <...> въ Смолиньске. Тем же путем по Всеславе пожегъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожьска, та на Дръютьскъ, воюя, та Чернигову.

А на ту зиму повоеваша половци Стародубъ весь, и азъ шедъ с черниговци и с половци, на Десне изьимахом князи Асадука и Саука, и дружину ихъ избиша. И на заутрее за Новымъ Городом разгнахомъ силны вои Белкатгина, а семечи и полонъ весь отяхом.

А въ вятичи ходихом по две зиме на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну, ходихъ 1-ю зиму. И паки, по Изяславичихъ за Микулинъ, и не постигохом ихъ. И на ту весну къ Ярополку совкупляться на Броды. Том же лете гонихом по половьцихъ за Хороль, иже Горошинъ взяша.

поляки пожгли, и там правил я городом утишенным. Затем ходил в Переяславль к отцу, а после Пасхи из Переяславля во Владимир — в Сутейске мир заключить с поляками. Оттуда опять на лето во Владимир. Затем послал меня Святослав в Польшу; ходил я за Глогов до Чешского леса, и ходил в земле их четыре месяца.

И в том же году и сын родился у меня старший, новгородский. А оттуда ходил я в Туров, а на весну в Переяславль, и опять в Туров. И Святослав умер, и я опять пошел в Смоленск, а из Смоленска той же зимой в Новгород; весной — Глебу в помощь. А летом с отцом — под Полоцк, а на другую зиму со Святополком под Полоцк, и выжгли Полоцк; он пошел к Новгороду, а я с половцами на Одреск войною и в Чернигов. И снова пришел я из Смоленска к отцу в Чернигов. И Олег пришел туда из Владимира прогнанный, и я позвал его к себе на обед с отцом в Чернигове, на Красном дворе, и дал отцу триста гривен золота. И опять из Смоленска же придя, пробился я через половецкие войска с боем до Переяславля и отца застал, вернувшегося из похода. Затем ходили мы опять в том же году с отцом и с Изяславом к Чернигову биться с Борисом и победили Бориса и Олега. И опять пошли в Переяславль и стали в Оброве.

И Всеслав Смоленск пожег, а я с черниговцами верхом с поводными конями помчался, но не застал <...> в Смоленске. В том походе за Всеславом пожег землю и повоевал ее до Лукомля и до Логожска, затем на Друцк войною, и опять в Чернигов.

А в ту зиму повоевали половцы Стародуб весь, и я, идя с черниговцами и со своими половцами, на Десне взял в плен князей Асадука и Саука, а дружину их перебили. И на следующий день за Новым Городом разбили сильное войско Белкатгина, а семечей и пленников всех отняли.

А в Вятческую землю ходили подряд две зимы на Ходоту и на сына его и к Корьдну ходил первую зиму. И опять ходили мы и за Ростиславичами за Микулин и не настигли их. И на ту весну — к Ярополку на совещание в Броды.

В том же году гнались за Хорол за половцами, которые взяли Горошин.

На ту осень ходили с черниговцами и с половцами,

И на ту осень идохом с черниговци и с половци, с читеевичи, к Меньску: изъехахом городъ, и не оставихом у него ни челядина, ни скотины.

На ту зиму идохом къ Ярополку совокуплятися на Броды, и любовь велику створихом.

И на весну посади мя отецъ в Переяславлѣ передъ братьею, и ходихом за Супой. И едучи к Прилуку городу, и сretoша ны внезапно половечьские князи, 8 тысячъ, и хотехом с ними ради битися, но оружье бяхомъ услали напередъ на повозехъ, и внидохом в городъ; толко семцю яша одного живого, ти смердъ неколико, а наши онехъ боле избиша и изымаша, и не смеша ни коня пояти в руке, и бежаша на Сулу тое ночи. И заутра, на Госпожинъ день, идохом к Беле Вежи, и богъ ны поможе и святая богородица: избихом 900 половецъ, и два князя яша, Багубарсова брата, Асиня и Сакзя, а два мужа толко утекоста.

И потомъ на Святославль гонихом по половцих, и потомъ на Торческый городъ, и потомъ на Гюргевъ по половцих.

И паки на той стороне у Красна половци победихом; и потомъ с Ростиславом же у Варина веже взяхом.

И потом ходивъ Володимерю, паки Ярополка посадих, и Ярополкъ умре.

И паки по отни смерти и при Святополце, на Стугне бившеся съ половци до вечера бихом — у Халепа, и потом миръ створихом с Тугорканомъ и со инеми князи половечьскими; и у Глебовы чади пояхом дружину свою всю.

И потом Олегъ на мя приде с Половечьскою землею к Чернигову, и бишася дружина моя с нимъ 8 дний о малу греблю, и не вдадуче внити имъ въ острогъ. Съжаливъси хрестьяных душъ и сель горящих и монастырь, и рехъ: «Не хвалитися поганым!»

И вдахъ брату отца его место, а самъ идох на отца своего место Переяславлю. И выидохом на святаго Бориса день ис Чернигова, и ехахом сквозе полкы половчские, не въ 100 дружине, и с детми и с женами. И облизяхутся на нас акы волци стояще, и от перевоза и з горъ. Богъ и святой Борисъ не да имъ мене в користь, — неврежени доидохом Переяславлю.

90 И седехъ в Переяславлѣ 3 лета и 3 зимы, и с

с читеевичами, к Минску, захватили город и не оставили в нем ни челядина, ни скотины.

В ту зиму ходили к Ярополку на совещание в Броды и союз великий заключили.

И весной посадил меня отец в Переяславле выше всей братии и ходили за Супой. И по пути к Прилуку-городу встретили нас внезапно половецкие князья; с восемью тысячами, и хотели было с ними сразиться, но оружие было отослано вперед на возах, и мы вошли в город.

Только семца одного живым захватили да смердов несколько, а наши половцев больше убили и захватили, и те, не смея сойти с коней, побежали к Суле и в ту же ночь. И на следующий день, на Успение богородицы пошли мы к Белой Веже, бог нам помог и святая богородица: перебили девятьсот половцев и двух князей взяли, двух Багубарсовых братьев, Осеня и Сакзя, и только два мужа убежали.

И потом на Святославль гнались за половцами, и затем на Торческ-город, и потом на Юрьев за половцами.

И снова на той же стороне, у Красна, половцев победили, и потом с Ростиславом же у Варина вежи захватили.

И затем ходили во Владимир, опять Ярополка там посадил, и Ярополк умер.

И снова, по смерти отца и при Святополке, на Стугне бились мы с половцами до вечера, бились у Халепа, и потом мир сотворили с Тугорканом и с другими князьями половецкими, и у Глебовой чади отняли дружину свою всю.

И потом Олег на меня пришел со всеми половцами к Чернигову, и билась дружина моя с ними восемь дней за малый вал и не дала им войти в острог.

Сжалился я над христианскими душами и селами горящими и монастырями и сказал:

«Пусть не похваляются язычники!» И отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего

в Переяславль. И вышли мы на святого Бориса день из Чернигова, и ехали сквозь полки половецкие, около ста человек, с детьми и женами. И облизывались на нас половцы точно волки, стоя у перевоза и на горах. Бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля.

И сидел я в Переяславле три лета и три зимы с

дружиною своею, и многы беды прияхом от рати и от голода. И идохом на вои ихъ за Римовъ, и богъ ны поможе: избихомъ я, а другия поимахомъ.

И паки, Итлареву чадъ избиша, и вежи ихъ взяхом, шедше за Голтавомъ.

И Стародубу идохом на Олга, зане ся бяхше приложилъ к половцем. И на Богъ идохом с Святополком на Боняка за Рось.

И Смолинську идохом, с Давыдомъ смирившеся.

Паки идохом другое с Воронице.

Тогда же и торци придоша ко мне, и с половець и читеевичи, идохом противу имъ на Сулу.

И потомъ паки, идохом к Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихом Смолинску. И—Смолинська идохъ Ростову.

И паки, с Святополком гонихом по Боняце, но ли оли <...> убиша, и не постигохом ихъ. И потом по Боняце же гонихом за Рось, и не постигохом его.

И на зиму Смолинску идохъ, и—Смоленска по Велице дни выидох; и Гюргева мати умре.

Переяславлю пришедъ на лето, собрах братью.

И Бонякъ приде со всеми половци къ Кснятиню, идохом за не ис Переяславля за Сулу, и богъ ны поможе, и полъкы ихъ победихом, и князи изъимахом лепшии.

И по Рожестве створихом миръ с Аепю, и поимъ у него дчерь, идохом Смоленську.

И потом идох Ростову.

Пришед из Ростова, паки идох на половци на Урусобу с Святополком, и богъ ны поможе.

И потом паки на Боняка к Лубьну, и богъ ны поможе.

И потом ходихом к Воиню с Святополком; и потом паки на Донъ идохом с Святополком и с Давыдомъ, и богъ ны поможе.

И к Выреви бяху пришли Аепа и Бонякъ, хотеша взяти и ко Ромну идох со Ольгомъ и з детми на нь и они очутивше бежаша.

И потом к Меньску ходихом на Глеба, оже ны бяхше люди заялъ, и богъ ны поможе, и створихом свое мышленое.

И потом ходихом къ Володимерю на Ярославця, не терпяче злобъ его.

дружиною своею, и много бед приняли мы от войны и голода. И ходили на воинов их за Римов, и бог нам помог, перебили их, других захватили.

И вновь Итлареву чадь перебили, и вежи их взяли, идя за Голтав.

И к Стародубу ходили на Олега, потому что он сдружился с половцами. И на Буг ходили со Святополком на Боняка за Рось.

И в Смоленск пошли, с Давыдом помирившись.

Вновь ходили во второй раз с Вороницы.

Тогда же и торки пришли ко мне с половцами-читеевичами, и ходили мы им навстречу на Сулу.

И потом снова ходили к Ростову на зиму, и три зимы ходили к Смоленску. Из Смоленска пошел я в Ростов.

И опять со Святополком гнались за Боняком, но <...> убили, и не настигли их. И потом за Боняком же гнались за Рось, и снова не настигли его.

И на зиму в Смоленск пошел; из Смоленска после Пасхи вышел; и Юрьева мать умерла.

В Переяславль вернувшись к лету, собрал братьев.

И Боняк пришел со всеми половцами к Кснятину; мы пошли за ними из Переяславля за Сулу,

и бог нам помог, и полки их победили, и князей захватили лучших, и по Рождестве заключили мир

с Аепю, и, взяв у него дочь, пошли к Смоленску, и потом пошел к Ростову.

Придя из Ростова, вновь пошел на половцев, на Урусобу, со Святополком, и бог нам помог.

И потом опять ходили на Боняка к Лубну, и бог нам помог.

И потом ходили к Воиню со Святополком, и потом снова на Дон ходили со Святополком. и с Давыдом, и бог нам помог.

И к Вырю пришли было Аепа и Боняк, хотели взять его; к Ромну пошли мы с Олегом и с детьми на них, и они, узнав, убежали.

И потом к Минску ходили на Глеба, который наших людей захватил, и бог нам помог, и сделали то, что задумали.

И потом ходили к Владимиру на Ярославца, не стерпев злодеяний его.

А из Чернигова в Киев около ста раз ездил к отцу, за один день проезжая, до вечерни.

днемъ есмь переездилъ до вечерни. А всех путей 80 и 3 великих, а прока не испомню менших.

И мирювь есмь створилъ с половечьскими князи безъ одного 20, и при отци и кроме отца, а дая скота много и многы порты свое. И пустилъ есмь половечских князь лепших изъ оковъ толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, Осеня братье 4, а всех лепшихъ князий инехъ 100. А самы князи богъ живы в руке дава: Коксусь с сыномъ, Акланъ Бурчевичь, Таревьский князь Азгулуй и инехъ кметий молодых 15, то техъ живы ведъ, исекъ, вметахъ в ту речку въ Салню.

По чередам избьено не съ 200 в то время лепших.

А се тружахъся ловы дея: понеже седох в Чернигове <...> а и — Щернигова вышед, и до сего лета по сту уганивалъ и имь даром всею силою кроме иного лова, кроме Турова, и же со отцемъ ловилъ есмь всякъ зверь.

А се в Чернигове деялъ есмь: конь диких своима рукама связалъ есмь въ пущах 10 и 20 живых конь, а кроме того же, по ровни ездя, ималъ есмь своима рукама те же кони дикие. Тура мя 2 метала на розех и с конемъ, олень мя одинъ боль, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а другой рогома боль. Вепрь ми на бедре мечь оттялъ, медведь ми у колена подъклада укусилъ, лютый зверь скочилъ ко мне на бедра и конь со мною поверже, и богъ неврежена мя съблюде. И с коня много падах, голову си розбих дважды, и руке и нозе свои вередих, въ уности своей вередих, не блюда живота своего, ни щадя головы своея.

Еже было творити отроку моему, то сам есмь створилъ, дела на войне и на ловехъ, ночь и день, на зною и на зиме, не дая себе упокоя. На посадники не зря, ни на биричи, сам творилъ что было надобе, весь нарядъ, и в дому своемъ — то я творилъ есмь.

И в ловчих ловчий нарядъ сам есмь держалъ, и в конюсех, и о соколехъ, и о ястребех.

Тоже и худаго смерда и убогыя вдовиц не далъ есмь сильным обидети, и церковнаго наряда и службы сам есмь призиравъ.

Да не зазрите ми, дети мои, ни инъ, кто прочеть:

А всего походов было восемьдесят и три великих, а остальных и не упомяну меньших. И мирю заключил с половецкими князьями без одного двадцать, и при отце и без отца, а раздаривал много скота и много одежды своей. И отпустил из оков лучших князей половецких столько: Шаруканевых двух братьев, Багубарсовых трех, Осеневых братьев четырех, а всего других лучших князей сто. А самих князей бог живыми в руки давал: Коксусь с сыном, Аклан Бурчевич, таревский князь Азгулуй, и иных витязей молодых пятнадцать, этих я, приведя живых, иссек и бросил в ту речку Сальню. А врозь перебил их в то время около двухсот лучших мужей. А вот как я трудился, охотясь: и пока сидел в Чернигове, и из Чернигова выйдя, и до этого года — по сотне загонял и брал без трудов, не считая другой охоты, вне Турова, где с отцом охотился на всякого зверя. А вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал. Вепрь у меня с бедра меч сорвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул, и бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал, и руки и ноги свои повреждал — в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах и о ястребах заботился.

Также и бедного смерда, и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам наблюдал.

Не осуждайте меня, дети мои или другой, кто прочтет, не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю бога и прославляю милость его, ибо меня,

прославляю милость его, иже мя грешнаго и худаго селико лет сблюд от техъ часъ смертныхъ, и не ленива мя былъ створилъ, худаго, на вся дела человеческая потребна. Да сю грамотицю прочитаючи, потъснетесе на вся дела добрая, славяще бога с святыми его. Смерти бо ся, дети, не боячи, ни рати, ни от звери, но мужьское дело творите, како вы богъ подасть. Оже бо язъ от рати, и от звери, и от воды, от коня спадаися, то никтоже вас не можетъ вредитися и убити, понеже не будет от бога повелено. А иже от бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мати, ни братья не могутъ отъяти. Но аче добро есть блюсти, божие блюденъе леплее есть человеческого.

<...>

грешного и ничтожного, столько лет хранил от тех смертных опасностей и не ленивым меня, дурного, создал, но к любому делу человеческому способным. Прочитав эту грамотку, потщитесь делать всякие добрые дела, славя бога со святыми его. Смерти, дети, не бойтесь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам бог пошлет. Ибо если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от бога повелено. А если случится от бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от нее, но если и хорошее дело — остерегаться самому, то божее обережение лучше человеческого.

<...>

